ОГНЕННЫЙ РЕЙС

Беспримерный поход безоружного корабля

Не так давно я прочитал письмо бывшего старшего моториста линейного ледокола «Микоян» старшины II статьи Николая Ивановича Кузова. Позже я встретился с ним. Он объяснил, что его написать побудило воспоминание о давнем, многими забытом событии.

...Шло лето 1941 года.

На судостроительном заводе в Николаеве на Черном море был построен и спущен на воду крупный ледокольный корабль «Микоян».

Швартовые испытания, в которых участвовали инженеры и рабочие судостроительного завода, были прерваны 22 июня.

Мгновенно все изменилось в судьбе корабля и в судьбах его строителей. Николаевские рабочие вооружали его. В отчаянно сложной обстановке они трудились, как герои-солдаты.

В начале августа, заканчивая на ходу боевое оснащение, ледокол направился к Севастополю. Механики и рабочие, проводившие швартовые испытания, остались на борту.

Под Севастополем настала для «Микояна» пора боевой страды.

Он был послан на помощь осажденной Одессе. В очередь с боевыми кораблями Черноморской эскадры «Микоян» выходил поддерживать своим огнем фланги наших сухопутных войск, оборонявших Одессу.

...В начале октября «Микояну» было приказано отбыть в Поти, где с него сняли все вооружение. Тут же командир ледокола С. М. Сергеев получил распоряжение готовиться к заграничному плаванию. «Микоян» вышел из Батуми, проложив курс на Босфор.

В Константинополе на борт ледокола поднялся советский военно-морской атташе и передал Сергееву директиву-задание. Сущность задания вкратце состояла в следующем.

Прорваться через Эгейское море мимо военно-морских баз фашистов и выйти в один из восточных портов наших союзников на Средиземном море.

В ходе этой смелой и рискованной операции надлежало помнить строжайшую инструкцию:

«Корабль ни в коем случае противнику не сдавать, взрывом топить, экипажу в плен не сдаваться».

Острова Эгейского моря находились в руках врага.

В задании, которое командир ледокола Сергеев получил уже в Константинополе, существовала одна подробность: прорываться через Эгейское море надлежит скрытно, избегая встречи с противником. Но как мог большой флагманский ледокол совершить свой рискованный рейс, если Эгейское море кишмя кишит островами и в районе островов обосновались наблюдательные посты, самолеты и военные суда итальянских фашистов?

После короткой стоянки ледокол ночью снялся с якоря и покинул Константинополь.

Быстрый, неожиданный для всех уход из Константинополя избавил ледокол от большой беды. Задержись он еще часов на шесть, противник, предупрежденный теми, кто стоял с биноклем на балконах консульств в Босфоре, успел бы раньше выслать свои силы на перехват беззащитного советского корабля.

За одну ночь удалось пройти через Мраморное море в Эгейское. Грозившее гибелью Эгейское море проходили скрытно, прижимаясь к приглубым турецким берегам. Днем, притушив котлы, чтобы не выдавать себя дымом, отстаивались почти вплотную к какому-нибудь из бесчисленных тамошних островков. Ночами — снова в путь без ходовых огней, с наглухо задраенными люками и переборками.

На третьи сутки утром на выходе из Эгейского моря шли на виду у острова Родос, захваченного противником.

Командир объявил: Входим в район опасности. Объявлена боевая тревога. Все подготовить к немедленному затоплению корабля.

Низко над водой прошел итальянский самолет-разведчик. Покружил над кораблем, разнюхивая, и улетел, обрадованный находкой.

И тут, на самом пороге Средиземного моря, беда настигла безоружный ледокол. Воздушный разведчик понес донесение—теперь жди налета. А чем отбиваться?..

За кораблем гнались итальянские торпедные катера. «Микоян» как ни в чем не бывало продолжал идти прежним курсом: дескать, мирное судно нейтральной страны. Торпедные катера приблизились метров на пятьдесят. Через мегафон фашисты запросили: «Чей корабль?».

Через несколько секунд — очередь из автоматов. Оставалось одно: принять бой безоружными. Ледокол стал уходить от врагов полным ходом, но где ж ему состязаться в быстроте с торпедными катерами! Те шли рядом, как привязанные, оттуда орали в мегафон: «Под нашим конвоем следуйте немедленно в Родос!».

«Микоян» молчал. Его командир помнил приказ: «Ни в коем случае не сдаваться».

Торпедные катера открыли огонь из малокалиберных пушек, эрликонов по надстройкам, по мостику. Обливаясь кровью, упали матрос-рулевой Рузаков и командир отделения сигнальщиков Полещук. На корабле вспыхнули пожары. Пламя рванулось над спасательным катером с двумя тоннами бензина. Матросы кинулись в огонь, на собственных плечах подняли и выбросили горящий катер за борт,— бензин пылал на воде. Спасательные пояса с обозначением «Микоян» качались на волнах, и позже, в Хайфе, наши моряки смеялись, читая сообщения итальянских газет: «Потоплен большой военный советский корабль «Микоян».

Ледокол шел своим курсом, борясь с пожарами.

Не надеясь больше на свои эрликоны, фашисты начали торпедную атаку. Тут пригодился боевой опыт командира корабля. Видя, что торпедные катера отходят, чтобы лечь на курс атаки, он спокойно ждал. Как только катера давали полный вперед, Сергеев, предвосхищая удар торпеды, перекладывал «лево руля» или «право руля».

Моряки знали: каждый из вражеских катеров несет не больше двух торпед. Сергеев маневрировал и считал первая... вторая. Ушел еще от одной торпеды, направленной в корму ледокола, и облегченно вздохнул. Все! Боезапас противника израсходован. Корабль, родной беззащитный корабль уцелел!

Грозная тень опасности еще висела над израненным ледоколом. Она явилась с неба — «Микоян» атаковали два самолета-торпедоносца. От них отделились какие-то черные тела, тут же обросшие парашютами. Плохо, ох, как плохо! Специальные торпеды с водяной спиралью способны кружить вокруг цели, пока не настигнут ее. Сергеев мобилизовал все свое умение, весь инстинкт бывалого моряка,— ему удалось увернуться от грозных воздушных торпед. Победа,— он заставил врагов «разрядиться», у них не осталось больше боезапаса, и они ушли ни с чем, посрамленные безоружным советским кораблем.

Пользуясь наступившей темнотой, «Микоян» за одну ночь прошел к острову Кипр, под защиту английской военно-морской базы в Фамагусте.

Из Фамагуста ледокол направили в Бейрут, а затем в Хайфу—крупный порт и союзническую базу снабжения флотов горючим. В Хайфе корабль семнадцать суток простоял в ремонте — заваривал течь в котлах, латал жаровые трубы. Ремонт производили своими силами.

Порт с его узким акваторием был битком набит английскими кораблями и танкерами, грузившимися соляркой, нефтью, бензином.

В день, назначенный для ухода из Хайфы, командир ледокола с комиссаром и механиком обедали в кают-компании. Вдруг тарелки взлетели к потолку и обрушились на пол. Двери кают-компании с треском раскрылись.

Взрыв. Что могло взорваться? Выскочили на спардек.

Стоявший рядом английский танкер «Хонстар» с надломленным корпусом оседал в воду. Кормовые надстройки охвачены были пламенем. На верхней палубе носовой части столпились матросы, кричали истошно, прыгали в воду.

Горящая нефть перекидывалась на надстройки «Микояна». Сергеев приказал дать сигнал пожарной тревоги.

Нужно было, не теряя ни секунды, отвалить от пирса, иначе ледокол окажется в урагане огня. Но под парами был только один котел. Быстро отвалить не удавалось, корабль стоял на двух якорях, шесть стальных восьмидюймовых швартовых крепко связали его с пирсом.

Сергеев послал на берег катер с десятью матросами во главе со своим помощником Холиным. У десяти человек не хватило сил отдать тяжелые швартовые, пытались рубить,— стальные тросы не поддавались.

Один котел, еще не набравший пара, не мог поднять якорей, брашпили не осиливали чудовищный груз: каждое звено якорной цепи весит два пуда.

— Давай пар на холодную машину!— скомандовал Сергеев машинистам.

Толчками давать пар! Чуть переждать, вертануть винтом, оттолкнуть ледокол от брекватера, так постепенно откатываться!

Водой из мониторов наши моряки отгоняли горевшую нефть от ледокола. Своим бортом «Микоян» прикрывал от пламени стоявшие рядом суда.

— Уйдем в море,— советовал комиссар ледокола.

Сергеев покачал головой. Ветер гнал дым и пламя из акватория в проход к открытой воде. Норвежский корабль пытался прорваться, потерял в дыму ориентировку, люди задыхались, теряли сознание,— «норвежец» выбросился на берег и сгорел.

Командир порта передал просьбу — помочь ликвидировать пожар на другом танкере, груженном боеприпасами. Экипаж танкера ушел от беды на берег. Сергеев решил буксиром оттащить пылавший танкер от берега. Операция не из простых.

— Есть добровольцы? — спросил Сергеев с мостика.— Кто хочет — шаг вперед!

Матросы сделали шаг вперед.

Холин и политрук Барковский, секретарь партийной организации, отсчитали несколько человек с правого фланга. Горевший танкер сумели оттянуть с надветренной стороны. Потушили на нем пожар. Спустились в трюм. Вместо снарядов там оказалась вода,— командир порта что-то напутал.

Ледокол провел в огне двое суток. Его люди действовали, повинуясь интернациональному братству моряков. Они спасли от гибели корабли норвежцев, англичан, шведов, датчан. Еще один английский танкер сорвало с якорей. Сергеев брашпилями подтянул его к борту и прикрыл от полыхавшего вокруг огня.

На третьи сутки, 6 января 1942 года, «Микоян» отбыл из Хайфы в Порт-Саид, затем в Суэц, Аден, пересек экватор, взял курс на Кейптаун, побывал в Нью-Йорке, в заливе Ла-Плата видел немецкий линейный корабль «Адмирал Шпее», прошел мимо берегов Огненной Земли. Военная обстановка заставила маневрировать. 3 июня ледокол второй раз пересек экватор.

Сиэтл... Бухта Провидения...

И, наконец, Мурманск.

На этом обрываются записи бывшего моториста, старшины II статьи Николая Кузова. Он напомнил о славном эпизоде истории нашего Военно-Морского Флота.

Из огня войны линейный ледокол «Микоян» вернулся во льды Заполярья и продолжает до сих пор нести свою будничную службу в Ледовитом океане.

Евгений КРИГЕР.

ТЕЛЬСТВА: Москва, Центр, Пушки
формационного—К 4-72-37 и К 5-70-23; Эк
блиографии — К 4-71-84; Писем — К 0-38

Б 00368 Типография «Известий Советов депутатов трудящихся СССР» имени И. И. Скворцова-Степанова, Пушкинская площадь, 5.